

Ссориться с Вэнь Цзюэ не хотелось, но его тон выводил из себя. Днем Лу Циньянь еще готов был терпеть его холодность, но сейчас, когда рабочее время закончилось, он не собирался покорно сносить чужие колкости.

— Учитель Вэнь, прогноз погоды обещает на завтра пасмурный день, — Лу Циньянь сначала откашлялся, а затем заговорил нарочито громко.

Его голос, чистый и звонкий, все еще сохранял юношескую легкость. Он звучал именно так. Осознав это пару дней назад, Лу Циньянь испытал облегчение: тело было его, лицо — тоже, и даже голос остался прежним. Единственной деталью, которую он нашел на себе, была крошечная родинка на левой стороне шеи. На бледной коже она выделялась особенно отчетливо, и самому Циньяню это не нравилось — она казалась ему несмываемым пятнышком грязи.

— Вот как? — Голос Вэнь Цзюэ за дверью стал еще холоднее. — И прогноз в самом деле это утверждает?

— Ну конечно. Если не верите — проверьте сами, — выпалил он с напускной уверенностью и тут же запаниковал.

Вряд ли Вэнь Цзюэ станет тратить время на такую ерунду, как проверка погоды? Все, что Лу Циньянь наплел сейчас, было чистой воды выдумкой — он и понятия не имел, что там обещают синоптики.

Но ему «повезло» нарваться именно на Вэнь Цзюэ. Пока они ужинали, тот от скуки включил новости, и в эфире как раз промелькнул краткий метеосвод. Завтра ожидался чудесный солнечный день.

— А что, если ты ошибаешься? — снова раздался голос из-за двери.

Лу Циньянь почувствовал, как в груди поселилась тревога — по тону Вэнь Цзюэ было ясно, что тот знает правду. Деваться было некуда, оставалось только идти напролом.

— Ошибся и ошибся, делов-то, — буркнул он, напустив на себя безразличие.

— За свои слова нужно нести ответственность.

Эта фраза загнала Лу Циньяня в тупик.

— Значит, ответу завтра, — нашелся он.

Ему даже стало немного забавно: неужели великому актеру нечем заняться, раз он готов так

долго стоять в коридоре и препираться?

За дверью внезапно стало тихо. Лу Циньянь сглотнул, надеясь, что Вэнь Цзюэ наконец ушел, но все же замер, прислушиваясь. Прошло несколько минут, и когда он окончательно уверился в своем одиночестве, раздражающий голос прозвучал снова, позвав его по имени:

— Лу Циньянь.

Ему не показалось — в этих трех слогах отчетливо слышался скрежет зубов. Лу Циньянь коснулся лба, окончательно раздосадованный: «Надо было сначала в глазок глянуть, прежде чем рот открывать. Притворился бы, что в номере никого нет».

Однако следующая фраза заставила его изумленно вскинуть брови.

— Ты ведь жаловался, что не понимаешь, как играть сцену разрыва? Открывай. Я научу.

Несмотря на неизменную холодность, Вэнь Цзюэ был Киноимператором, и его предложение помочь с ролью явно было серьезным. Лу Циньянь поколебался, сжал и разжал кулаки, но в итоге все же открыл дверь.

Он и подумать не мог, что брошенная Лао Вану в машине фраза окажется пророческой. Он не собирался идти к Вэнь Цзюэ обсуждать сценарий, а тот явился сам. Причем по собственной воле — его никто не тянул за язык.

Вэнь Цзюэ, судя по всему, только что из душа. На нем была темно-серая пижама, на плечи накинута легкая черная куртка. Влажные волосы зачесаны назад, открывая безупречный лоб. Ткань пижамы казалась совсем тонкой и едва ли могла защитить от прохлады: в коридоре было ощутимо холоднее, чем в номере с включенным кондиционером.

Лу Циньянь нахмурился, вспомнив, сколько времени актер провел за дверью, и торопливо пропустил его внутрь.

— Ты... — начал было он, но замолчал.

— Я, — бесстрастно отозвался Вэнь Цзюэ.

Лу Циньянь неловко кашлянул. Усадив гостя, он достал тонкий плед.

— Учитель Вэнь, накиньте, а то простудитесь...

— Оказывается, ты умеешь проявлять заботу? — Вэнь Цзюэ смерил его колючим взглядом.

Благие намерения Лу Циньяня разбились о чужой сарказм. Гнев вспыхнул внутри, но он заставил себя выдавить вежливую улыбку.

— Конечно. Ведь нашему дорогому Киноимператору нельзя болеть. Какой бы великой звездой вы ни были, тормозить съемочный процесс непозволительно. Разве я не прав, Учитель Вэнь?

Вэнь Цзюэ и бровью не повел, словно ожидал подобной шпильки.

— У тебя шансов заболеть куда больше. Ты выглядишь слишком хрупким.

— Это я-то хрупкий? — Лу Циньянь непроизвольно повысил голос. Он знал, что чуть ниже и стройнее актера, но это еще не повод называть его «слабаком». — Учитель Вэнь, следите, пожалуйста, за своими словами.

— Я не собираюсь спорить о бессмысленных вещах. Я пришел не за этим, — Вэнь Цзюэ отложил плед в сторону, даже не взглянув на него.

— Ну и ладно. Больно надо было перед вами распинаться, — пробормотал Лу Циньянь, обиженно поджав губы.

Раз плед ему не нужен, он наклонился, забрал его и, подтянув стул к рабочему столу, накрыл собственные колени. Хорошее отношение тут не ценят — ну и пусть. Ему самому этот плед нужнее, и вообще, жалко тратить такую хорошую вещь на этого человека.

Циньянь опустил голову и принялся машинально поглаживать серую ткань с двумя белыми полосками по краям. Он и не подозревал, что этот самый плед прежний владелец тела в свое время буквально «отжал» у Вэнь Цзюэ.

Тот случай был почти гротескным. Вэнь Цзюэ иногда укрывался этим пледом во время ночных смен на площадке. Прежний Лу Циньянь, вечно ищущий повод подлизаться, однажды подошел и капризным тоном заявил, что ему очень холодно, не одолжит ли Учитель Вэнь свою вещь?

Вэнь Цзюэ, питавший к нему глубокое отвращение, поначалу и слушать не хотел.

«Ну пожалуйста, ну хоть разочек! Учитель Вэнь, я правда ужасно замерз».

Эта манерная мольба вызвала у актера приступ тошноты. Чтобы поскорее избавиться от навязчивого парня, он просто впихнул плед ему в руки. Тот самодовольно улыбнулся и, уходя, шепнул на ухо: «Спасибо, мой дорогой Киноимператор. Вы так добры ко мне».

Разумеется, обещание «на один раз» оказалось ложью. Плед перекочевал в отель и больше никогда не появлялся на съемочной площадке — видимо, чтобы Вэнь Цзюэ не вздумал

потребовать его обратно. Сам актер, впрочем, и не собирался этого делать — для него вещь перестала существовать в ту секунду, когда попала в руки Циньяня.

Вэнь Цзюэ уже почти забыл об этой истории, но когда Лу Циньянь сегодня заботливо предложил ему этот самый плед, воспоминания нахлынули с новой силой. А то, что парень в итоге сам преспокойно им укрылся, лишь добавило раздражения.

Когда буря внутри улеглась, Лу Циньянь первым нарушил тишину, потянувшись за сценарием.

— Учитель Вэнь, вы ведь собирались поделиться опытом? Мы можем начать прямо сейчас?

При этом каждое «Учитель Вэнь» он выговаривал так, будто пережевывал стекло.

— М? — Вэнь Цзюэ вопросительно вскинул бровь, словно не расслышал.

— За свои слова нужно нести ответственность, — вернул ему шпильку Лу Циньянь.

Он намеренно чеканил каждое слово, глядя актеру прямо в глаза и пытаясь уловить на его лице хоть тень замешательства. Но Вэнь Цзюэ был готов. Его реакция оказалась на редкость спокойной — лишь легкий, почти неслышный выдох, похожий на насмешку.

В комнате повисла тишина. Лу Циньянь занервничал. Спорить с этим человеком было бесполезно, а уж если дойдет до драки... тут и гадать нечего.

— Хорошо. Тогда давай обсудим, — наконец произнес Вэнь Цзюэ.

— О чем именно? — Лу Циньянь растерялся от такой резкой смены темы.

— Расскажи, как ты понимаешь сцену разрыва главных героев, — Вэнь Цзюэ окинул его взглядом, полным искреннего недоумения. «До чего же он бестолковый. Как можно быть таким глупым?»

Лу Циньянь наконец пришел в себя.

— Подождите, мне нужно заглянуть в текст.

Он лихорадочно зашелестел страницами, ища нужную сцену. Глядя на эту суету, Вэнь Цзюэ почувствовал нахлынувшую усталость — то самое «сердечное утомление», которое он ощущал лишь дважды. Впервые это случилось, когда Циньянь устроил скандальный стрим с платьем.

— Мое время дорого стоит, — негромко напомнил актер.

— Да знаю я, знаю, — пробормотал Лу Циньянь. В отличие от собеседника, он не помнил сценарий наизусть, и те крохи реплик, что он успел заучить, сейчас напрочь вылетели из головы.

Гнев, еще недавно кипевший в обоих, странным образом угас. О том, насколько сильна их взаимная неприязнь, оба предпочитали помалкивать.

Вэнь Цзюэ откинулся на мягкую спинку дивана и закинул ногу на ногу. Его взгляд скользнул по страницам в руках парня. Он заметил, что почти все поля в сценарии Лу Циньяня исписаны красными пометками. Это было неожиданно. Ему вдруг стало любопытно: что там может быть написано? Зная характер Циньяня — эгоистичного, расчетливого и фальшивого, — он ожидал увидеть там разве что каракули.

В комнате снова стало тихо. Спустя пару минут Лу Циньянь поднял сценарий и, указав на реплику, спросил:

— Учитель Вэнь, я никак не пойму, почему Линь Еци так злится? Почему он проявляет такое бессмысленное упрямство?

<http://bllate.org/book/17547/1710756>